

Вчера – это завтра

После того, как у мамы вышли две детские книги, ей предложили работать в Доме детской книги при издательстве «Детская литература». Это стало главной, любимой маминой работой, любовью на всю жизнь.

В нашей семье вообще царил, если так можно сказать, культ книги; а в издательстве происходило само рождение книги. Да еще какой – детской! К тому же детская книга тесно связана с воспитанием и образованием.

Позднее, в период «перестройки», проходя мимо дома, в котором помещалось издательство (набережная Кутузова, 6), мама заметно мрачнела:

– Вот что мы потеряли, какие умные и добрые традиции.

– Где же теперь Дом детской книги?

– Так нет его! – с болью отвечала мама, вспоминая, как переезжал Дом детской книги в «перестроечные времена». И надолго потерялся из виду.

Во дворе стояли тогда грузовые машины, а книги одной из лучших детских библиотек, просыпавшиеся из коробок, валялись на земле. Мальчишки рылись в них, отталкивая ногами то, что с такой любовью на протяжении десятилетий собирали сотрудники библиотеки.

Всему петербургскому книжному миру была известна Александра Александровна Платонова, эталонный образец библиотекаря города на Неве: сарафан с белоснежной блузой, строгие серые глаза в колких ресницах, коса вокруг головы, а главное – неистощимая готовность служить людям книгами.

В Детгиз, в библиотеку с огромными окнами на Неву, я начала ходить со школьных лет. Ходила и тогда, когда уже писала диссертацию.

А теперь мальчишкам, рывшимся в рассыпанных книгах, взрослые говорили:

– Смотри, вот интересная книга... И вот – про путешествия.

– Не, мы таких не читаем...

— А какие читаете?

— Нам про секс...

И, словно раненые в самое сердце, библиотекари, провожавшие свое любимое детище, отворачивались.

На набережной Кутузова, 6 всегда было интересно тем, кто любил книги.

Первый этаж занимала библиотека, редкая, а может быть и единственная по составу книг, их содержанию и художественной красоте оформления.

Здесь хранились книги еще XIX века. Были произведения детских писателей 1920-х годов, уже тогда составлявшие библиографическую редкость, например, книжки Хармса с занимательными рисунками.

27 томов сочинений Владимира Маяковского украшали его собственные иллюстрации, представлявшие рисунки «Окон Роста».

Многие редкие книги, которые и во всем городе невозможно было найти, благодаря стараниям Александры Александровны составляли золотой фонд этого книжного собрания.

Рядом с библиотекой на первом этаже помещалась комната библиографа. Строгий библиограф Клара Васильевна умела творить чудеса. В какие-нибудь 10 минут она могла подготовить самые исчерпывающие сведения о том, что имеется в печати по интересующим нас вопросам.

Интернета тогда не было. Клара Васильевна его заменяла.

Ее окружало множество шкафов с маленькими длинными ящичками с библиографическими карточками.

Где теперь эти ящички, на которые Клара Васильевна потратила свою жизнь, расписывая все, что выходило печатного, касавшегося детской литературы?

Вошли ли они в «банк» Интернета? Приносят ли они и теперь пользу людям?

На третьем, последнем этаже Кутузова, 6 размещалась редакция — двери, двери, двери: в редакцию книг для малышей, для младшего школьного возраста; для среднего и для старшего школьного возраста.

Здесь же была редакция научно-популярных книг и редакция переиздания классической литературы.

За этими дверями готовились книги к печати. Это святая-святых издательства.

Второй этаж принадлежал Дому детской книги (на правах отдела издательства).

В его задачи входила популяризация детских изданий среди читателей, формирование у них навыков общения с книгой.

В специальном выставочном зале, в стеклянных шкафах, просвечивавших насквозь, выставлялись, постоянно обновляясь, новые книги.

Едва родившись на свет, книга как подлинное произведение искусства являлась взору читателей-зрителей в этих стеклянных шкафах.

По выставкам новых книг проводились экскурсии для школьников. Здесь же проходили встречи авторов с читателями.

Люди, пишущие книги, для читателей были почти полубогами. Встреча с писателем — это эпоха в жизни маленького читателя.

Каких только писателей они ни встречали в Доме детской книги: знаменитых, старых, бородатых... и совсем юных, читавших свои стихи звонкими голосами.

Часто устраивались читательские конференции, где сами ребята высказывались, что им понравилось в книге, а что не очень... какие литературные герои полюбились и за что...

Проводились здесь и викторины на лучшее знание книг. Победителю вручалась книга-приз с соответствовавшей надписью.

Подобные мероприятия проводились и в школах. К детям, в школу на встречу с читателями ездили писатели.

Такие разнообразные творческие формы общения давали возможность поддержать живую связь с читателями, учитывать их возрастные запросы.

Мама вела переписку с читателями всего Советского Союза. Каждый день секретарь клала ей на стол около ста детских писем с вопросами, с благодарностями, с просьбами, а также с предложениями.

С некоторыми читателями завязывалась переписка.

Несколько раз эти мамы корреспонденты даже являлись к нам домой.

Тогда мы откладывали все свои дела и встречали их как дорогих гостей. Они были убеждены, что издательство «Детская литература» — это их настоящие друзья, друзья маленьких читателей.

Мы старались угостить их чем-нибудь вкусным, я бежала в магазин за конфетами. Показывали нашим маленьким гостям свою домашнюю библиотеку детских книг.

Мамино хобби — лепить из глины фигурки героев детских книг — Чука и Гека, Тома Сойера, а также сказочных персонажей. Глиняные

«Красная шапочка», «Дюймовочка» и другие приводили наших гостей в бурный восторг. Что-то они уносили с собой на память.

Как-то мама получила письмо от мальчика с Волги. Ваня Прайс писал, что он хочет стать артистом, и спрашивал, что для этого надо делать. Мама подобрала ему список книг о жизни и творчестве артистов, а он, прочитав очередную книгу по списку, сообщал об этом маме.

Письма его становились с каждым годом все содержательнее, серьезнее. Он поступил в самодеятельный театр, советовался с мамой относительно репертуара и героев, которых ему хотелось сыграть.

Потом приезжал к нам несколько раз уже профессиональным артистом, собираясь в турне по странам Европы.

Но переписка с юными читателями была лишь частью маминой работы.

Помимо этого она была еще куратором Литературного объединения начинающих детских писателей, одного из самых крупных в городе, собравших талантливую молодежь.

Мама отбирала наиболее интересные произведения, доводила их вместе с авторами до уровня необходимого для опубликования. И каждый год в свет выходил очередной номер альманаха «Дружба».

ЛИТО собиралось на набережной Кутузова, 6 каждую пятницу.

Вел эти творческие семинары писатель Борис Николаевич Никольский, руководитель этого литературного объединения от Союза писателей. Относился к этому добросовестно. Обладал талантом делать замечания, не обижая авторского самолюбия.

Подсказывал автору, не впадая в мелочи и не сочиняя за него, как это нередко делают руководители ЛИТ Объединений.

Я часто посещала занятия ЛИТО, дружила со многими авторами. Они приходили к нам домой, читали свои рассказы и стихи. Обсуждали их у нас перед тем, как выйти с чтением на семинар.

Мама совсем перестала писать свое большое произведение, которое так и осталось неоконченным. Она жила сочинениями своих учеников.

Ее хвалили как редактора, чутко чувствовавшего художественную ткань слова.

В свое время мама сама ходила на литературные семинары профессора Виктора Андронниковича Мануйлова. Он совершенно мастерски давал блистательный анализ пушкинской прозы, заслуживший, как тогда говорили, «высшей государственной награды».

Я тоже ходила на его занятия. Слушать его было счастьем. Нескольким раз Виктор Андронникович приглашал меня к себе. Во вторую половину дня он ходил в библиотеки, архивы, писал, а утром принимал своих учеников и последователей.

Его комната в коммунальной квартире вся была завалена книгами: они были разложены на письменном столе и на обеденном, на подоконнике, на пианино и даже на полу.

Всех, кто к нему приходил, он потчевал супом собственного приготовления. Студентки, принимавшие из рук знаменитого маэстро тарелку супа, очень смущались.

Носил на голове тюрбейку, ходил быстро и одновременно успевал увидеть твоё творческое начинание в далекой перспективе. Ещё не съешь первые ложки супа, а он уже вносит коррективы в завершающие структуры твоей статьи.

Его мысль была летящей, устремленной. Работать с ним было необыкновенно увлекательно.

Писатель Евгений Шварц, высоко чтя исследовательский талант Виктора Андронниковича, пустил в житейский обиход замечательное с легким юмором двустишие: «Среди огромных буйволов ходит маленький Мануйволов».

Литературное объединение Дома детской книги до мамы курировал поэт Константин Высоковский. Начиная писатели и поэты его любили и называли за глаза «Тинчик» от уменьшительного имени «Константинчик».

Высокий, седой, с ясными детскими глазами он напоминал мне Дон Кихота.

На занятиях ЛИТО он говорил вдохновенно, предлагая как можно на тему обсуждаемого рассказа написать совсем по-другому, с другой главной мыслью, с другим сюжетом, с другими художественными образами.

Это учит логически мыслить, строить композицию, менять её и т.д. На своих практических занятиях со студентами я сейчас нередко это использую.

Но, может быть, именно из-за такого аналитического приема всё, что молодые авторы приносили Высоковскому, никогда не доходило до альманаха «Дружба», до публикации.

Для разных целей нужны совершенно разные творческие принципы и методические подходы.

В Литературном объединении Высоковского моя мама, начавшая тогда писательница, подружилась с поэтессой Ниной Князевой, немножко взбалмошной, как и полагается поэтессе, но умной женщиной и верным товарищем.

Затем они сами стали вести литературные объединения, мама с Никольским — детгизовское, Нина Алексеевна — во Дворце творчества юных (тогда Дворце пионеров).

Работали с увлечением. По сути, это тоже была педагогическая работа. Обе любили своих учеников и приносили им в жертву свое собственное литературное творчество, свои душевные силы...

Молодые писатели и поэты, которые тогда были маминой гордостью и надеждой — будущим отечественной литературы, ее, так сказать «завтрашним днем», сегодня — признанные знаменитости.

Среди них Владимир Арро.

В 1966 году в альманахе «Дружба» (в «мамино альманахе» — в том, который она составляла и редактировала) впервые была напечатана его повесть «Белые терема».

«Уважаемой Марии Владимировне с благодарностью за доброту и терпение», — напишет автор на первой странице своей повести.

В этой повести Владимир Арро знакомил читателей с жизнью интерната.

Знакомил самым необычным, талантливым образом. Главу, в которой писатель представлял интернатских учителей, он назвал «Разные голоса».

Если встать, — писал он, — посредине нашего узкого коридора, то узнаешь сразу уйму интересных вещей.

Действительно, автору оказалось достаточным всего двух-трех строчек, чтобы рассказать о разных характерах учителей, не похожих друг на друга педагогических личностях:

В седьмом классе Филипп Петрович рассказывает:

— В Африке что? Жарко. Какую мы имеем в Африке температуру? Двадцать пять — тридцать градусов в среднем.

— А у нас? Скоро что? Начнется отопительный сезон.

Ему вторит голос его жены из соседнего класса:

— Ученик купил эн тетрадей по две копейки за штуку новыми деньгами... И учебник за восемь копеек. Сколько он заплатил за всю попку?

В тишине щелкает мел.

Из 8-го «А» класса доносится глуховатое бормотание директора, а потом вдруг смех, выкрики...

А в пятом классе низкий гул.

И поверх него резкий голос Варвары Петровны:

— С самого раннего утра до позднего вечера работают колхозники... Погорелов встань. Положи репу мне на стол. Написали? Весело им трудиться в поле. Весело... им... трудиться... ся... в поле...

Такая маленькая, казалось бы, пустяковая картинка о невзрачной жизни, но какое точное, зримое впечатление остается об этом интернате и его учителях.

Автор почти не употребляет эпитетов, работает «интонацией». И как выразительно. Режущим слух диссонансом звучат диктуемые фразы Варвары Петровны, по всей видимости, собственного ее сочинения.

Получился совершенно живой реальный образ: резкие фразы, командные нотки и полное равнодушие к делу и детям.

Образ жены Филиппа Петровича тоже хорош — все по копейкам и вдруг, неожиданно «новыми деньгами». Примета времени, и в то же время тактично изображенная учительская бедность.

С симпатией автор рисует директора интерната, который умеет разговаривать с ребятами тихим голосом, но его слушают и понимают.

А вот фрагмент из другой главы этой повести, которая называется «Урок хорошего тона»:

По пустым огородам гонялись интернатские мальчишки. Их высокие голоса чисто звенели в осенних сумерках.

Я решил, что когда-нибудь надо начинать и, спустившись с крыльца, позвал их к себе.

Притихшие, они расселись по лавкам, с любопытством поглядывая на полки с книгами и офорты.

Я достал из тумбочки тарелку, вилку и нож. Их взгляды скрестились на моих руках.

— Ребята, — сказал я, — вы должны выйти из школы культурными людьми. Сегодня у нас первая беседа... начнем с самого простого, с еды.

И с одушевлением принялся рассказывать о правилах поведения за столом. Я садился, вставал, лязгал ножом и вилкой, разрезал воображаемые бифштексы, утирал салфеткой губы и говорил, говорил, говорил...

Когда я заметил, что глаза их вновь заблуждали по стенам, я кончил...

Они бережно расставляли лавки по местам и, стараясь не шуметь, по одному выходили из комнаты...

Я вышел с папиросой на крыльцо...

В сенях интерната вдруг застучали половицы, и на улицу вышли трое ребят.

— Обрато Митяй картошки не начистил, — недовольно сказал один голос. — Я с обеда не евши.

— А я с утра! — подхватил другой. — Зато лекцию послушали. Кра-асиво он говорит!

— Я аж весь слюнками истек! — воскликнул третий. — Эй, ребята, а учитель-то небось сейчас сало с огурчиком жуёт и ножичком разрезает!..

И они засмеялись.

...Поздно вечером, когда электричество, промигав три раза, потухло по всей деревне, мы сидели в моей комнате при керосиновой лампе и ели жирную кашу с луковой подливкой. Ели из одного чугуна, деликатно уступая друг другу очередь.

Красиво ели, с достоинством. А встречаясь друг с другом глазами, посмеивались.

Умно, с доброй иронией показано в нескольких строчках как действительность расходится с желаемым. Не даром повесть названа весьма возвышенно «Белые терема».

Но и в варианте, таком далеком от желаемого, педагог добился все-таки своего. Главное ведь не как вилки держать (хотя и это важно), а деликатность друг к другу проявить, уважение. Это-то и называется культурой.

Поднята важнейшая социально-нравственная проблема и ни одного только интерната. И как мягко, убедительно и просто решает ее учитель — автор повести Владимир Арро.

Прошло много времени, а болевые точки, затронутые в повести Арро, по-прежнему остаются актуальными.

«Белые терема» подняли тогда престиж альманаха «Дружба».

Всеобщей любовью пользовались в ЛИТО многие молодые авторы, в их числе Игорь Иг или «Борода» по дружескому прозвищу.

С черной бородой и смеющимися глазами, в белоснежной рубашке, он неизменно оставался галантным и пунктуальным.

«Наш Игорь — гениальный мужчина», — с восхищением говорили о нем «литовцы».

Вместо подписи делал росчерк своего профиля, утрируя длину носа. Получалось как у Сирано де Бержерака. Вместо приветствия рисовал аленький цветочек.

Любил юмор. Многие фразы из его рассказов гуляли по коридорам Детгиза как афоризмы.

Фамилия «Иг» это, конечно, псевдоним и тоже с юмором, с намеком на то, что рассказ, который напишет Игорь Иг, будет необычным, колючим, острым как иголка.

Таков его рассказ «Сижу, думаю», опубликованный в «Дружбе»:

Когда учитель по труду Анастас Петрович дал задание: сделать всем по табуретке — работа меня заинтересовала.

— Анастас Петрович, — спрашиваю, — надо делать только такую, как вы показали?

— Только такую, — сказал Анастас Петрович.

— А чуть-чуть поменьше можно?

— Можно поменьше, — сказал Анастас Петрович.

— А побольше?

— Можно побольше, можно поменьше... Рубанок и пила у тебя есть?

— Есть.

— Ну вот иди, мальчик, пили, строгай.

Я пошел. Кругом пилят, строгают, а я — думаю.

— Анастас Петрович, а кто на моей табуретке сидеть будет?

— Люди будут сидеть, — ответил Анастас Петрович.

— Анастас Петрович, люди какие будут, тяжелые или легкие?

— На твоей табуретке хорошие люди будут сидеть, мальчик!

Ты только сделай, постарайся!

— Да я-то стараюсь, — сказал я, а сам думаю: „Чего это он сказать не хочет, какие будут люди: легкие — сделаю ножки тоненькие, штангисты — толстые поставлю, баскетболистам высокая табуретка нужна, а для детского сада — поменьше. Это же ясно!“

— Ты, мальчик, для обыкновенного человека делай! Делай как для меня! Считаю, что я буду сидеть!

— Хорошо, — говорю я. — Ладно. Сделаю для вас. А если директор сядет — она сломается. Это не страшно?

— Ты что, мальчик?! Почему не страшно?! Зачем сломается?! Что ты говоришь?! Надо сделать такую, чтобы не ломалась под директором! Чтобы крепко стояла!

— Может, Анастас Петрович, ее на трех ножках сделать?

- Почему — на трех?!
- На трех ножках может еще крепче стоять будет.
- Ты что, мальчик, мне кажется издеваешься надо мной?!
- Нет, я думаю, как табуретку лучше сделать...
- Он, Анастас Петрович, не думает, а бездельничает! — сказала Лена Веняева, которая уже вторую делала на четырех ножках.

Тема труда — нелегкая для пера, но читатели ее любили. Желание и умение создавать что-либо собственными руками — всегда находили отклик у ребят.

В современной детской литературе эта тема почти не получает отражения. Можно подумать, что трудиться как бы и не модно вовсе, пережиток прошлого. Интеллектуально напрягаться («сидеть и думать») — другое дело, это «супер», это «прикольно»!

Вот и получается, что этот рассказ из «Дружбы» почти сорокалетнего «вчера», звучит «сегодня» свежо и остро.

В числе постоянных авторов Литературного объединения был Эдуард Сухомлинов.

Он служил во флоте на подводной лодке. Жизнь молодых подводников и свое знакомство с морем описывал с юмором. Но юмор у него иной.

В произведении «Выходящие из глубин» сквозь очевидную иронию Сухомлинов давал почувствовать всю серьезность испытаний на морских глубинах.

Со страниц его повести встают яркие образы защитников Отечества с их принципами взаимопомощи в трудных ситуациях в открытых морях и океанах против всех случайных и неслучайных проявлений враждебности.

В Российском флоте попавших в беду не бросают.

Прочитав в «Дружбе» рассказы Эдуарда Сухомлинова, многие школьники слали письма в издательство, что они тоже хотят служить во флоте на подводных лодках.

«Хочу стать защитником подводного царства», — было написано в одном из детских писем..

Капитан III-го ранга Рюрик Бекетов в повести Сухомлинова — настоящий герой.

«Крепкий подбородок, слегка втянутые щеки, резкая складка между бровей и холодные, цвета северных скал глаза», — так описывает его автор.

Затем не без сдержанного юмора добавляет: «Происходил ли командир подлодки из варягов неизвестно, но вряд ли грозный князь Рюрик выглядел более внушительно, чем командир подлодки».

Дано почти классическое изображение мужественного подводника, прошедшего через штормы, шквалы, налеты недружественной авиации в ничейных водах.

Трудна и опасна служба подводников.

Но Эдуард Сухомлинов, как и его любимый герой капитан III-го ранга Рюрик Александрович Бекетов, умел посмеяться.

Поэтому-то в альманахе «Дружба» за 1975 год и появились «Устные мемуары матроса Галушкина, рассказанные им во внеочередном краткосрочном отпуске в родной деревне Малые Бугрищи»:

...Вот, понимаете, срочное погружение! Все вниз!

Петька Сорокин быстренько к люку и в него — скок, лейтенант Буров за ним — и крышку люка на себя.

И привет. Все дома. А я еще только бегу...

Я туда-сюда, а лодка уже носом наклонилась и под воду прет.

„Ну все, дорогой друг Галушкин, — это у меня в голове. — Сейчас будешь ты Атлантиду своим ходом искать промеж акул...“

Схватился за маховик, крутнул его — и на себя! А корпус лодки уже весь под водой, и рубка тоже быстро за ним утопает.

Последнее, что я увидел, ребята, это громадная зеленая волнища...

Так до сих пор перед глазами и стоит, как фотография на добрую память.

Хлопнул я крышкой, и сразу вверху прошумело, будто пронесся надо мной товарный поезд.

„Все, Галушкин, повезло тебе в этот раз! — думаю. — Занимай свое место в жизни согласно боевому расписанию“.

Но что-то не пускает меня. Что же это такое? Акула что ли поймала и держит?

И тут сообразил: капюшон крышкой люка прищемило. И сразу все мое сознание чуть не отключилось.

Такого, наверное, за всю историю подводного флота не было. Что делать?

Увидел я вдруг Петьку Сорокина, кричу:

— Давай сюда скорее! дергай за ноги! — ору. — Сильнее! Сильнее!

И тут мы оба с ним вниз полетели.

Петька в сторону, а передо мной стоят командир и лейтенант Буров.

— Галушкин, вы откуда?

— Оттуда, — говорю и вверх тычу.

— Откуда „оттуда“?

— Оттуда, — бубню, а сам весь мокрый.

Лейтенант Буров смотрит на меня, как на выходца из морской пучины...

— Где ваш второй сапог, Галушкин? Или он „там“ остался?

— Никак нет, — говорю, — он давно здесь.

— Как это „давно здесь“? Он что, раньше вас прибежал? А вы что, значит, „там“ задумались?

— Так точно, задумался.

Три наряда вам вне очереди... Нет, пять нарядов вам вне очереди, Галушкин! Видали? Швейк на подводном флоте объявился.

Из рассказов Эдуарда Сухомлинова предстают перед нами совсем юные моряки-подводники, которые только еще начинают осваивать нелегкую свою службу.

Но потому как они это делают, видятся сильные, уже по настоящему мужские характеры.

Часто печатались в «Дружбе» стихи Михаила Яснова.

Он много и охотно писал о счастье жить, путешествовать...

Его стихотворение «Один в океане» заканчивалось так:

И есть неприметное мужество жить,
 Покуда волна продолжает кружить,
 Покуда земля поджидает в тумане,
 И ты — не один, если пробуешь плыть
 — один в океане!

С большим философским подтекстом написано его стихотворение «Веселый дух»

Быть может я в пещере жил,
 Покрыт звериной шкурой был,
 Один на мамонтов ходил,
 Но только раз в бою таком
 Я был пронзен его клыком.

.....

С тех пор прошли десятки лет
И снова я рожден на свет,
Рожден работать и любить,
Рожден не умирать, а жить.
И верить в то, что не потух
Во мне былой веселый дух,
С которым сквозь века шагал,
С которым жил и умирал,
Тот гордый дух, тот смелый нрав...
Скажите мне, что я неправ?!

На это стихотворение в Дом детской книги пришел детский отзыв:
«Ответьте мне, пожалуйста, какая здесь главная мысль.

Что каждый человек в лице своих предков прошел через всю историю человечества и в конечном результате все-таки выжил 100 раз убитый.

Выжил благодаря своему веселому духу и стойкости характера?»

Письмо написал семиклассник, но, наверняка, ему помогала учительница.

Мама отдала это письмо начинавшему тогда свой творческий путь Михаилу Яснову.

А совсем недавно по радио выступали уже его ученики.

Михаил Яснов — сегодня маститый поэт, каждое прочитанное ими стихотворение радостно приветствовал.

Он, уважаемый всеми мэтр, подбадривал «молодую поросль» современной поэзии: «Молодец, Танечка, гениально!» или: «Очень, очень неплохо, Коленька, ты настоящий гений!»

И в этом я сразу узнала Михаила Яснова, такого щедрого на всякое доброе начинание, щедрого в своем творчестве и в своем наставничестве.

Творчество молодых живо сегодня. Живо, благодаря энтузиастам, которые продолжая «сегодня» заветы своих наставников, готовят наше будущее, наше поэтическое «завтра».

Время иногда меняет нравственные ориентиры, но история России и история ее культуры — «героика культуры» — не может не трогать юные сердца.

На «Радио России» читают сегодня рассказы известного современного писателя Валерия Попова. В конце одной из радиопередач

Валерий Попов выступил с обращением к молодежи принять участие в конкурсе на лучшее литературное произведение.

Инициатива добрая, нужная, завещанная еще тем ЛИТО, куратором которого была Мария Владимировна Нарышкина.

Первый рассказ самого Валерия Попова был напечатан в альманахе «Дружба». На титульном листе надпись:

«Дорогой Марии Владимировне — с любовью свой первый литературный опус. Валерий Попов. 1 сентября 1969 г. »

Литературное объединение посещали и в «Дружке» печатались талантливые молодые Сергей Довлатов, Валерий Воскобойников, Яков Гордин, Иван Сабилло, а также Николай Кузьмин, Дмитрий Николаев, Юрий Поленов, Наталия Крудова и многие-многие другие.

Это была замечательная страница культурной жизни Ленинграда шестидесятых-семидесятых годов.

Целая плеяда писателей вышла из этого ЛИТО. Многие так современно сегодня из того, что торопились сказать в свое время «шестидесятники».

Переворачиваю страницы «Дружки» и переношусь в дружескую творческую атмосферу, всегда царившую на Кутузова, 6 в Литературном объединении, куратором которого много лет подряд была моя мама.

Почти на каждом альманахе трогаящая сердце надпись:

«Наша Мария Владимировна!!! Мы, авторы, очень довольны, что Вы были редактором нашего сборника»;

«Нашей дорогой Марии Владимировне от авторов сборника»;

«Дорогая Мария Владимировна! Вам, чуткому редактору, нашему соавтору, доброжелателю и приятной женщине, эту коллективную в муках рожденную книгу с благодарностью и любовью преподносим» и подписи, подписи, подписи.

А вот множество «цветных» фамилий и надпись, сделанная Игорем Игом: «Дорогая Мария Владимировна! С благодарностью и любовью!

Вам — в память о нас; Нам — в память о Вас!»

Я знаю, что в мамином сердце «память о вас», ее учениках по-прежнему живет, память нежная и заботливая.

Еще несколько слов хочется сказать на добрую память Нины Алексеевны Князевой, поэтессы, крепко связанной с нашей семьей и творческими узами и дружбой человеческой.

Не довелось ей создать великую поэму о смелых девушках из Краснодона.

Но иногда на бегу между делами, присев на минуту где-нибудь в коридоре или на ступеньках, она вдруг выплескивала случайные строчки стихов, теснившихся в ее сердце:

Сосны

...На самом краю, на выступе,
Толпились они, неистовые,
Как род особых существ,
Который с земли исчез.

Казалось, сосны кудлатые
Перелетают куда-то,
Да труден пришелся путь,
Решили передохнуть...

.....

Но по моим понятиям,
Где многое наоборот —
Сосны никак не утратили
Способность бросаться вперед.

А люди тоже полётисты!
Лишь плечи расправить круто
И в небо с разбегу броситься
В решительную минуту!

.....

Домчись к обрыву смелее
И набирай, набирай высоту!
И если кто не сумеет —
Сумеет на самом лету!

Переписывая эти строчки, я вижу ее лицо и слышу ее голос. Это автобиографическое стихотворение.

Она разбилась в этом жизненном полете. Но если бы ей снова был предоставлен этот выбор, она снова бросилась бы в высоту. Только так она представляла жизнь и не жалела себя.

Литература, поэзия — это главные интересы, которыми она жила, которые переливала в души своих питомцев, юных поэтов литературного кружка Дворца пионеров, до сих пор сохранившим о ней добрую память своих сердец.